

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

49. P. Pelliot. Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. *Journal Asiatique*. Avril-Juin 1925, p. 193—263.

50. P. Pelliot. Le prétendu vocabulaire mongol des *kaitak* du Da-ghestan. *Journal Asiatique*. Avril-Juin 1927, p. 279—294.

Монголоведение давно уже миновало ту стадию, когда монголисты в своих лингвистических исследованиях ограничивались одним лишь письменно-монгольским языком. Сравнительно юная еще отрасль монголоведения — диалектология, начало которой было положено непревзойденными и теперь работами Г. И. Рамстедта, получившая свое дальнейшее развитие в трудах русских монголистов, очень скоро дала возможность применить к исследованию монгольского языка сравнительный метод. Главной заслугой русских монголистов в этом отношении является накопление богатейших материалов по отдельным наречиям в виде записей народных произведений почти всех монгольских племен, из которых, однако, к великому прискорбию, лишь немногие увидели свет, в то время как главная масса их остается все еще неизданной. Но все же, оставаясь неизданными, эти материалы русскими монголистами в исследовании вопросов, связанных с историей монгольского языка, постоянно имеются в виду и единственной, пожалуй, отрицательной стороной этого, если не считать неудобства пользования рукописными собраниями, является то, что в русской монголоведческой среде многое считается общеизвестным и азбучной истиной, в то время, как в литературе никаких указаний на этот счет не существует.

Достигнув столь широкого развития, монгольское языкознание в свою очередь, естественно выдвинуло необходимость исторического подхода к выяснению ряда явлений монгольского языка. Обладание, с одной стороны, материалом почти по всем живым наречиям, а с другой стороны — памятниками письменного языка почти всех эпох создало теперь для монголистов вполне нормальные условия работы. Но одних современных живых монгольских наречий и письменного языка еще мало, и для полного понимания процесса образования современных наречий необходимы еще материалы по древне-монгольским живым наречиям, которые позволили бы установить более древние стадии развития этих наречий. И в этом отношении монголоведение находится во вполне благоприятных условиях. Народ, покоривший почти всю Азию, каким были монголы в достаточно отдаленные времена, естественно представлял для своих соседей, кроме политического интереса, также огромный научный интерес, вылившийся во всестороннее изучение его со стороны сопредельных народов. Прямым результатом этого явился

ряд более или менее полных трудов также по языку монголов. Арабы, персы, армяне, грузины, турки и китайцы — вот те народы, в литературе которых мы находим, помимо исторических и этнографических, также лингвистические сведения о древних монголах. Ибн ал-Муханна, несколько арабов-анонимов, Хамдаллах Казвини, Киракос, один анонимный грузинский историк XIV ст., турецкий путешественник Эвлия Челеби XVII ст. и китайцы, составители разных словарей и других пособий по монгольскому языку разных эпох — вот те источники, которыми ныне располагает монголоведение при решении вопросов, связанных с историей монгольских наречий, дающие нам архаичные формы их, которые с другой стороны продолжают жить в архаичных современных наречиях, как-то могольском, дагурском и разных говорах провинции Гань-су.

Многие из упомянутых источников по древне-монгольским наречиям неоднократно были использованы исследователями, особенно мусульманские источники,¹ сведения, сообщаемые анонимным грузинским автором XIV ст.² и Киракосом.³ Одни лишь китайские источники древне-монгольского языка до самого последнего времени оставались в стороне, что объясняется, конечно, тем, что работу по исследованию этого материала мог предпринять лишь синолог: слишком мало доступен этот материал для других в силу трудности расшифровки монгольских слов в оболочке китайских иероглифов. Большая заслуга в этом отношении принадлежит известному исследователю Средней Азии проф. Pelliot, находящемуся в обладании как самих материалов, так и средств к их использованию.

В своей недавно вышедшей в свет работе «Les mots à h initiale» etc., автор использовал из китайских источников главным образом Хуа-и-и-юй, словарь эпохи 1368—1389 гг., И-юй, словарь 1598 г. в издании XIX ст. и монгольский текст *Monggholin ni'ucha tobci'an* (Юань-чао-би-ши) в транскрипции китайскими иероглифами. Помимо того, автором приняты во внимание монгольские памятники квадратного письма, глоссарий Киракоса и выше упоминавшийся труд Ибн ал-Муханны, а также материалы по дагурскому наречию Ивановского и мелкие списки слов по наречиям широнгольскому, шира-югурскому и т. д. Как показывает заглавие работы, она посвящена одному частному вопросу истории монгольского языка,

¹ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о монгольском языке. СПб., 1903; Н. Поппе, Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ, I, стр. 195 и сл.; N. Porre, Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН, 1927, стр. 1009 и сл.

² Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИРАН, 1917, стр. 1487 и сл.

³ Глоссарий Киракоса использован почти во всех цитованных здесь работах.

а именно вопросу о звуке *h* в начале слова в древне-монгольском языке, который впоследствии почти всюду исчез, сохранившись лишь в некоторых наречиях, которые автором и привлекаются в его статье.

Вопрос о существовавшем некогда в монгольском языке (XIII—XIV ст.) звуке *h* в начале многих слов, исчезнувшем впоследствии почти всюду, за исключением наречий дагурского и ряда мелких говоров провинции Гань-су, не нов. На него уже неоднократно обращалось внимание, и Г. И. Рамstedту удалось даже установить закономерное соответствие монгольских форм с *h*- (ныне без него) таковым с *f*' в манджурском языке и п- и h- ряда тунгусских наречий и возвести эти формы типа мо.¹ *aral* 'оглобля' (< **haral*) = ма.² *fara* id. к праязыковым формам с **p*- или **φ*.³ Но в то время, как все известные доселе древне-монгольские формы исчерпывались только формами квадратного письма и сообщаемыми Ибн ал-Муханной, Киракосом и Эвлия Челеби, проф. Pelliot в своей новой работе значительно увеличил количество их и, подтвердив на основании китайских источников во многом правильность прежде известных, дополнил их новыми примерами и дал более или менее полный перечень таких форм. В этом прежде всего заключается заслуга его работы.

Считая излишним привести эти формы, даю здесь список их в алфавитном порядке, тем более, что в обсуждаемой работе они даются в довольно неудобной последовательности.⁴

<i>ha'alijjin</i> 'паук' (мо. <i>ayaljin</i>)	<i>harban</i> '10' (мо. <i>arban</i>)
<i>hab</i> 'колдовство' (мо. <i>ab</i>)	<i>harqasun</i> имя сына Альджидая (мо. <i>arqasun</i> , ср. <i>arqasun</i> 'кизяк')
<i>habarba</i> 'благодарить'	<i>hasa-</i> 'спрашивать' (мо. <i>asay-</i>)
<i>haci</i> 'воздаяние' (мо. <i>aci</i>)	<i>ha'ul-</i> 'мчаться на коне'
<i>haijyu</i> 'корабль'	<i>ha'ut-</i> 'истереть'
<i>halaqan</i> 'ладонь' (мо. <i>alaya</i>)	<i>hečüs</i> ⁴ 'конец' (мо. <i>ečüs</i>)
<i>haluqa</i> (в подлиннике <i>hulqa</i>) 'молот' (мо. <i>aluxa</i>)	<i>heyil-</i> 'удаляться' (мо. <i>eyil-</i>)
<i>hamisqa</i> 'решницы' (мо. <i>amisqa</i> 'веко')	<i>heki</i> 'голова' (мо. <i>ekin</i>)
<i>hanqa-</i> 'жаждать' (мо. <i>angqa-</i>)	<i>hele'e</i> 'коршун' (мо. <i>elnye</i>)
<i>haran</i> 'люди' (мо. <i>aran</i>)	<i>heligen</i> 'печень' (мо. <i>eligen</i>)

¹ Письменно-монгольский язык.

² Манджурский язык.

³ G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen ursprache. JSFOu, XXXII, № 2.

⁴ Вместо *e* в оригинале всюду *ä*. Придерживаясь общепринятой у монголистов транскрипции, здесь заменяю *ä* знаком *e*.

- hemtere-* 'сломаться' (мо. *emtere-* 'образуется щербина')
- herbegei* 'бабочка' (мо. *erbekei*)
- heregei* 'большой палец' (мо. *erekei*)
- hergi-* 'вертеть' (мо. *ergi-*)
- herü-* 'быть опечаленным'
- herü-* *baru-da* 'когда становились сумерки'
- hetkebe* 'быть разрезаему' (мо. *edke- ~ eske-*)
- he'üd* 'гнезда' (мо. *egür* 'гнездо')
- he'üšiye-* 'не переносить' (климата)
- hiçe-* 'стыдиться' (мо. *içi-*)
- hiçesün* 'ива'
- hidari* 'цикорий' (мо. *idere*)
- hiymi* 'маленькая змея'
- hilyat* 'предсказание'
- hiluqat-* 'быть кусаемым мошкаррой' (мо. *ılayan* 'мошкара')
- hirgüi* или *hiryüi* 'строгий'
- hirije-* 'покинуть'
- hirmes* 'миг' (мо. *irme-* 'мигать')
- hiru'ar* 'дно' (мо. *ıruyar*)
- hirü'er* 'молитва' (мо. *irüger ~ irügel*)
- hişi* (в оригинале *hisni*) 'черенок' (мо. *esi*)
- hi'utan* 'узкий' (мо. *uyitan*)
- ho'ara-* 'отсутствовать'
- hodun* 'звезда' (мо. *odun*)
- hoi* 'лес' (мо. *oi*)
- hoımas-* 'оказывать покровительство'
- hoımusu* 'чулок' (мо. *oymusun*)
- hojıtala, ho'ojıtala* (значение невыяснено)
- hon* 'год' (мо. *on*)
- honçit-* 'упрекать'
- hontuça-* 'состязаться в стрельбе из лука' (мо. *ontus-* 'стрелять через мету')
- hoqar* 'короткий' (мо. *oqor*)
- hoqtori-* 'резать' (мо. *oıtal-*)
- hoqtorqui* 'пустой' (мо. *oıtarıui* 'небо')
- horçi-* 'окружить' (мо. *orçi-*)
- horgil* 'вершина' (мо. *orgil*)
- horçaba* 'спастись' (мо. *orço-*)
- horım* 'тропа' (мо. *oım* 'след, путь')
- horqa-* 'окружить'
- hudasun* 'нитка' (мо. *utasun*)
- hudus* 'вдоль, в округе, около'
- huja'ur* 'происхождение, корень' (мо. *içayur*)
- hula* 'трут' (мо. *ula*)
- hula'an* 'красный' (мо. *ılayan*)
- hulu'u* 'персик'
- hunta'u* 'несчастье' (мо. *untuyun* 'выражение гнева')
- huquta* 'мешок' (мо. *yuta*)
- huraqala-* 'ловить силком' (мо. *uraça* 'силки', *urça* 'укрюк', *urçala-* 'укрючить')
- hurba-* 'отступиться' (мо. *urba-*)
- hurul* 'губа' (мо. *uruyul*)
- huri'u* 'вдоль' (мо. *urıyüi*)
- husan* или *hüsen* 'гной'
- husun* 'сперма'
- huya-* 'связывать' (мо. *uyay-*)
- huyl-* 'кружиться' (о воде, мо. *uyıl-*)
- huııba* 'закрыть' (дверь и т. п.)
- höbögetür* мужское имя
- hö'e-* 'испакостить'
- hö'elün* имя матери Чингис-Хана (мо. *ögeben*)
- höröne* 'запад' (мо. *örüne*)
- hüde-* 'проводжать' (мо. *üde-*)

<i>hüdesün</i> 'кожа'	<i>hünesün</i> 'пепел' (мо. <i>ünesün</i>)
<i>hükdere-</i> 'иметь рецидив болезни' (мо. <i>ügdere-</i>)	<i>hüni</i> 'дым' (мо. <i>üni</i>)
<i>hüker</i> 'бык' (мо. <i>üker</i>)	<i>hünir</i> 'запах' (мо. <i>ünür</i>)
<i>hülde-</i> 'преследовать' (мо. <i>ülde-</i>)	<i>hüre</i> 'зерно, плод' (мо. <i>üre</i>)
<i>hüle-</i> 'быть в излишке' (мо. <i>üle-</i>)	<i>hürtesün</i> 'лоскуток' (мо. <i>örtösün</i> 'опялки')
<i>hülürige'ül-</i> 'находиться в полу- сумраке'	<i>hürü-</i> 'тереть' (мо. <i>ürü-</i>)
<i>hümegei</i> 'вонючий' (мо. <i>ümekei</i>)	<i>hüsün</i> 'волосы' (мо. <i>üsün</i>)
<i>hümšibe</i> 'совокупляться'	<i>hü'ü-</i> 'гнить'
<i>hünegen</i> 'лисица' (мо. <i>ünegen</i>)	<i>hyba</i> 'запереть'
	<i>hyiri'</i> и 'оглушенный'

Список этот обнимающий около сотни монгольских форм с *h-* дает целый ряд совершенно новых, прежде неизвестных, примеров. Отождествление многих из этих форм с современными не представляет собою затруднений, но есть ряд таких слов, которые очень трудно связать с современными формами. Поэтому некоторые остались проф. Pelliot не объясненными. Однако, далеко не все из оставшихся необъясненными являются действительно необъяснимыми.

Так, например, *habarba* 'благодарить' (стр. 242) вовсе не такое уже трудное слово: безусловно это пынешнее *abura-* 'спасать, оказывать снижение, соболезновать', ср. як. абрā- 'миловать, прощать' и кир. абырак (от абыра-) 'вежливость' и т. д. Фонетически и семасиологически такое сближение вполне допустимо. Не объяснено (стр. 203) без достаточных оснований *ha'ul-* 's'élancer (étant à cheval), courir (à cheval)': в письменном языке имеется производное от этого глагола, ср. *uulya* 'грабеж, военная добыча, передовой отряд' и т. д., которое восходит к **ayulya* от глагола *ayul-*. Форма *he'üsiye-* 'не переносить климата' (стр. 216) вполне соответствует даже по смыслу мо. *ügüsiye-* 'сушить на солнце': форма *ügüsiye-* восходит к **egüsiye-*, и вокализм *ü* вместо *e* объясняется тем, что в живой речи произошло стяжение, вследствие чего в правописании и утвердилась такая форма так же, как например, наряду с *уи-* 'пить' наблюдается *аи-* и т. д. Очень хорошее соответствие для *hičesün* 'ива' имеется и в письменном языке и в живых говорах: в бурятских рукописях *ösiyesü* 'тополь' (обычное смешение *š* и *č*) < *öčsiyesün*, бур. аларск. ошбһёң, нижеуд. ишбһёң 'ива' (на бурятские формы, впрочем, автор, ссылается). Правильно отождествленное с мо. *ilaya* 'мошкара' *hiluqat-* 'быть кусаемым мошкарой' (стр. 217) имеет точное соответствие в халхаском *jalād-* 'быть облепленным комарами, мошками' и т. д. Форма эта, засвидетельствованная

в Юань-чао-би-ши,¹ теперь, после разъяснения, сделанного Вл. Л. Котвичем,² уже никаких сомнений не возбуждает.

Чрезвычайно интересной формой является *ho'oĵitala* или *hoĵitala* (стр. 221), оставшаяся автору непонятной, как и вся фраза, где она засвидетельствована.

Встречается это слово в следующем выражении (Юань-чао-би-ши): *ukitala boqtalaĵu hoĵitala büselejü* и дальше *horaitala boqtalaĵu ho'oĵitala büselejü niitaitala boqtalaĵu nidurtala büselejü*.

Перевод этих мест, действительно, представляет большие затруднения, и только некоторые слова поддаются отождествлению с общеизвестными формами письменного языка. Второй отрывок можно гадательно перевести следующим образом: «устроила прическу до макушки, опоясалась до кофты, устроила прическу так, что свисло (?), опоясалась так, что стукнуло».

Как сильно напоминает этот отрывок — если он только отдаленно правильно понят здесь — такие общие места современных халхаских эпических произведений, как например:

хүхэ дүггэ хисэ
хүрү т'орг'о оллөмг
хүjlүрөрін т'а'т'ац.
сар'т'ал т'а'т'ац,
сар пилг бодд'о т'а'т'ац;
над т'ал т'а'т'ац,
наjjү пилг бодд'о т'а'т'ац'а.

«Темную шелковую подпругу, сделанную младшей сестрой, потянул он через область брюха. Тянул, так что растягивалась, месяц и год думая, тянул; тянул в эту сторону, восемьдесят лет думая, тянул» (говорится о витязе, собирающемся в поход и седлающем коня).

Здесь *horaitala* от *horai* (ср. *horai* 'макушка' в надписи Цзюй-юн-гуаньских ворот), *ho'oĵitala* от *ho'oĵi* = мо. *ooĵi* 'парадная женская кофта', *niitaitala* вероятно от *niitai* = мо. *natayi* 'свисать' и *nidurtala* от *nidur* 'ударить кулаком, ударить'. Подбор этих слов объясняется рифмой. То же значение имеют эти формы и в первом отрывке. Таким образом, можно с некоторой уверенностью считать, что *ho'oĵitala* есть образование от *ho'oĵi* 'кофта', если только не пытаться связывать это с *ooĵi* 'внутренняя сторона щеки' или *шиса*, *шиса* 'крестец, стегно', которые и фонетически и по смыслу мало подходят.

¹ Ср. P. Pelliot, A propos des Comans. JA Avril-Juin 1920, p. 176 и сл.

² Вл. Котвич, К изданию Юань-чао-би-ши. ЗКВ, I, стр. 239.

Довольно трудным словом является *هُوسَن* 'гной' (стр. 243). В изданном мною выше цитованном глоссарии 1245 года слово это засвидетельствовано в форме *هَاسُون*, которое я вокализую *һәсун* *hüesün*. Форма, сообщаемая Ибн ал-Муханной, указывает на долготу гласного *üsün* или *ösün* и дает лишь другое развитие, чем *هَاسُون* *hüesün*, которое, повидимому, соответствует письменному *ügesün* 'гной'. Без всяких оснований необъясненным осталось *һү'ü-* 'гнить' (стр. 239), которому в письменном языке вполне закономерно соответствует *ü-* < **üü-* < **ügi-* 'гнить'.

Слово *һууҫа* или *һүүҫе* 'закрыть дверь' (стр. 244) в письменном языке, как будто, действительно соответствий не имеет. Оно засвидетельствовано еще только в глоссарии 1245 г., изданном мною, в форме *هُيْبَا* *һуҫа* 'запер дверь', но это подтверждает лишь правильность этой формы, которая все же остается изолированной.

Таким образом, часть необъясненных слов удалось отождествить с известными письменными формами, а для некоторых, по крайней мере, привести соответствия той же эпохи из других источников. Все же, очень многие слова остаются неотожествленными ни с чем, ибо многие из них безусловно исчезли совсем, как в более новом письменном языке, так и живых говорах. Кроме того, виною этому является несовершенство наших словарей, в которых ряд письменно-монгольских форм отсутствует, хотя они во многих ксилографах и рукописях засвидетельствованы. Так, например, проф. Pelliot совершенно правильно отождествил *һүни* 'дым' с бурятским *үниң*, но говорит (стр. 238), что в письменном языке этого слова нет. Между тем форма *üni* в ряде старых рукописей засвидетельствована именно в значении 'дымка, туман, дым'. Точно также к форме *ütere* 'север', приводимой на стр. 233, можно привести следующие параллели *ümedü* 'север' (*Pañcarakṣā* IV, fol. 4^b) или *üte жүг* 'север' (*Maudgalyāyana*).¹ В старых рукописях, восходящих по языку к XIV ст., засвидетельствовано много таких слов, которые впоследствии делаются уже очень редкими.

Из форм письменного языка, вполне правильно отождествленных автором с формами китайских и мусульманских источников, многие даются им в не совсем правильной транскрипции.

Так например, автор пишет *ütegei* 'вонючий' (стр. 239), *алуҫа* 'молот' (стр. 245), *eregei* 'большой палец' (стр. 209) и т. д., между тем,

¹ Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева. ИРАН, 1918, стр. 1551.

как письменные формы всюду имеют здесь *k* и *χ*, а именно *ümekei*, *aluxa*, *erekei*, ср. халх. үмхi, алхä, ерхi. Повидимому, автор был введен в заблуждение формами своих источников *hümegei*, *haluxa* и *heregei*. Формы эти чрезвычайно интересны и отнюдь не искажены. Что касается здесь звонких *g* и *γ* вместо обычных *k* и *χ*, то позволю себе здесь напомнить, что смешение глухих и звонких, особенно заднеязычных, является чрезвычайно любопытным и характерным явлением для южно-монгольских наречий. Так, например, на это в свое время обратил внимание еще Руднев.¹ Наблюдение это полностью подтвердил в своей работе об ордосском наречии Mostaert.² Это же самое можно сказать и про исследованное мною дагурское наречие, а также про южно-халхаские говоры, например, говор Дариганга, исследованный В. А. Казакевичем. Процесс этого озвончения всех глухих смычных (не только заднеязычных), повидимому, очень древнего происхождения, ибо уже в памятниках квадратного письма встречаются формы вроде *deñri* 'небо' (мо. *tingri*, *tengri*) и т. д. Таким образом, источники проф. Pelliot вполне подтверждают все это и нет никаких оснований сомневаться в надежности их или переименовывать в угоду им письменномонгольские формы. Так же, нет никаких оснований переправлять *hudasun* 'нить' в *hutasun* (стр. 225) и т. д., ибо это явление того же порядка: *d < t*.

Автор ставит вопросительный знак при форме *halagan* 'ладонь' (стр. 209) и предполагает, очевидно, здесь искажение более правильного **halagan* (мо. *alagan*). Сомнения его вполне уместны, ибо во всех живых наречиях и письменном языке здесь звонкий, а не глухой. Между тем, форма *halagan* находят свое историческое оправдание. Дело в том, что в частности, в мусульманских источниках монгольскому *γ* и в начале слова, и в середине между гласными — последнее заслуживает особого внимания — часто соответствует *q*, например, *niqusun* 'утка', *ayaqa* 'чашка', *abaqa* 'дядя', *jiqasun* 'рыба', *ojoqa* 'репис' и т. д. Не трудно подметить, что это наблюдается всегда в тех случаях, когда в живых наречиях не произошло стяжения, ср. халх. нүгүс, аяаг, абга, загас и т. д. Эти формы восходят повидимому не к формам с проточным **γ* (*б), но со смычным **g* (*г), который воспринимался мусульманами и иногда китайцами как *q* (*k*). Форма *halagan* совершенно такая же, ср. халх. алга 'ладонь', алгада- 'давать пощечины' и т. д.

Чрезвычайно интересен вокализм форм, сообщаемых проф. Pelliot. Известно, что старые **i* и **ö* в ойратском отражаются вполне последова-

¹ А. Д. Руднев, Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911, стр. 176.

² A. Mostaert, Le dialecte des Mongols Urds (Sud). Tirage à part. Anthropos, XXII, § 57.

тельно как *ü* и *ö* (в живых ойратских говорах *y* и *ö*), так же как в халхаском, где они последовательно сохранились как *y* и *ö* или *ö* и т. д. В памятниках квадратного письма частичное совпадение **ü* и **ö* уже произошло, но здесь, в китайских источниках *ü* и *ö* в большинстве случаев сохранились, ср. напр., *höröne* ‘запад’ и т. п., хотя наблюдаются такие формы, как *hürtesün* ‘лоскуток’ (стр. 237) = мо. *örtesün*. Проф. Pelliot не всегда дает правильную огласовку соответствующим формам письменного языка, ср. у него *übür* ‘пазуха’ (стр. 231), между тем, как существует очень простое правило: *ü* в письменном языке всюду там, где в ойратском *ü*, а *ö* всюду там, где в ойратском *ö*.¹ В силу такой же неправильной огласовки получилось кажущееся расхождение форм *huyil-* ‘кружиться’ (о воде) = мо. *oyil-* (стр. 225): огласовка *o*, даваемая словарем Голстунского, неправильна, ср. в ойратском *uyilyan* ‘водоворот’, халх. уйл- ‘кружиться’ (о воде) и т. д.

Огромное количество новых и чрезвычайно интересных форм с *h-* дает обильный материал для этимологии. Проф. Pelliot установил ряд вполне убедительных соответствий древне-монгольских форм с *h-*, маньчжурских с *f-* и гольдских с *p-*, например, *huyil-* ‘кружиться’ (о воде) = гольдск. *pöib* ‘водоворот’ (стр. 225), *hükdere-* ‘иметь рецидив болезни’ = ма. *fukdere-* (стр. 239), *hoqar* ‘короткий’ = ма. *foxolon* (стр. 245) и т. д. Имеется, однако, также известное количество менее удачных сближений. Так, например, слово *hüni* ‘дым’ (стр. 238) сопоставляется с *hünür* ‘запах’, но такому сближению мешает разница в значении: ‘дымка, мгла’ — ‘запах’. Не основательно также сближение *hodun* ‘звезда’ и тунг. *hegec* (стр. 219): помимо необычайных трудностей, которые представляет собою консонантизм *d* = гл (!), здесь еще существенная разница в вокализме. Это же слово сближается, кроме того с турецким *yulduz*. Не говоря уже о том, что в *hodun* вокализм первого слога *o*, а в *yulduz* — *u*, что наблюдается только в редких, сравнительно, случаях, возвести тур. *y-* к **h* < **p* совсем уже нельзя: форма *yulduz* восходит прежде всего к **yulduř* (ср. чув. *çältar*), а последняя может иметь только прототипы **juldur̄*, **yuldur̄*, **ñuldur̄* или **duldur̄*.

Большие затруднения представляет собою вокализм также следующих сближаемых форм: *höröne* ‘запад’ и гольдск. *pörxi*. Дело в том, что *ö* в гольдской форме основано на неточности транскрипции и на самом деле здесь задний *e*, типа бурятского *e* с легкой лабиализацией (в соседстве с *p*). Правильно эту форму можно транскрибировать *përxi*, и в таком случае она

¹ Ср. по этому поводу мою статью: *Geserica. Asia Major*, vol. III, S. 13.

соответствует манджурскому *ferē*, уже правильно сопоставленному Г. И. Рамstedтом с кирг. ергā. Точно также нет оснований отвергать сближение Рамstedта ма. *feye* 'гнездо' и тур. *уа* (стр. 215), вместо которого предлагается сближение *egür* и ма. *feye*, ибо *feye* почти наверняка восходит к **fuya* (как объяснить развитие *-gü-* > *-ye-* ?).

Стоя в основном в отношении происхождения мо. *h-* на точке зрения Г. И. Рамstedта, установившего, что этому звуку, с одной стороны, в манджурском соответствует *f*, в гольдском *p* и в ряде тунгусских наречий *h* (все < **p* или **φ*), а с другой стороны нуль в турецких и современных монгольских наречиях, проф. Pelliot в некоторых случаях допускает другие развития и чередования этого **h* с **q*, **k* и **b* в турецком и монгольском. Так например, мо. *arγasun* (*harγasun*) 'князь' сопоставляется (стр. 205) с мо. *хорγол*, мо. *анγа-* и мо. *ханγа-* (стр. 203), мо. *анисха* и мо. *көмүске* (стр. 206—207). Между тем, отпадение начальных *χ* и *k* в монгольском языке не может быть доказано вполне убедительно. Некоторые близкие по созвучию и смыслу слова с *χ-* и *k-* и без них настолько немногочисленны и примеры настолько сомнительны, что приходится такие формы рассматривать как совершенно независимые слова. Как правило, монгольские *χ* и *k* восходят к **χ* (или **q*) и **k* и соответствуют турецким *q* и *k*. Точно также и в еще большей степени невозможны сопоставления форм с *b-* и без него, например, мо. *eligen* (< *heligen*) 'печень' и тур. *bayır* (стр. 211—212) и алт. *әркәк* = бармак 'палец' (стр. 210), на основании чего устанавливается факт частного развития **p* или **φ* > тур. *b*.

Прежде всего, по поводу такого частного развития можно заметить, что коль скоро **p-* дал здесь в турецком *b*, всякий **p-* должен был бы дать *b*. Алтайское сравнительное языкознание еще настолько молодо и настолько оно еще не успело окрепнуть, что здесь, как нигде более, необходимо стоять на точке зрения «Ausnahmslosigkeit der phonetischen Gesetze». Эта, быть может, уже устаревшая во многих отношениях точка зрения все же является единственным, что может предотвратить вырождение алтайского сравнительного языкознания в бессистемное сопоставление форм, генетически совсем не связанных между собою. В частности, в отношении **b* совершенно прочно установлено развитие **b* > мо., тур. и ма. *b* (и только такое развитие), например:

мо. *bayan* = тур. *bai* 'богатый'

мо. *biraγu* = тур. *bizayı* (чув. пәру) 'теленки'

мо. *bögere* = ма. *bosχo* = тур. *böbräk* 'почка'

ма. *bono* < **borna* 'град' = тур. *buz* (чув. пәр) 'лед'

мо. *beye* 'тело' = ма. *beye* 'тело', тунг. беје 'человек'

мо. *boro* = тур. *boz* 'серый' и т. д.

В положении перед носовыми **b* дал, особенно в монгольском *m*, например:

мо. *mingyan* 'тысяча' = тур. орх. *biŋ*,

мо. *möngke* 'вечный' = тур. орх. *bängü* и т. д.

В заимствованиях же ма. *f* в монгольском соответствует *b*, например, ма. *fila* 'тарелка, блюдо' = мо. *bila*.

Не только эти соображения заставляют отвергнуть сближение тур. *bağır* = мо. *eligen* и тур. *barmaq* = *ärkäk*. Прежде всего, помимо невозможности развития **b* > нуль или чередования *b* || *h* < **p*, против этих сближений говорит вокализм. Турецкий *a* всегда соответствует монгольскому *a* (кроме того мо. *i* перед **h*, **j* и иногда *s*) и точно также, в турецких наречиях *a* очень устойчивый гласный, сохраняющийся всюду (исключением является як. *ы* < **a* и развития **a* > *ä* и *e* в отдельных наречиях под влиянием соседних звуков, например, ат 'лошадь' — *äti* 'его лошадь', *yağı* > осм. *jenî* 'новый' и т. д.). Кроме того, можно заметить, что турецкие *barmaq* 'палец' и *bağır* 'печень' имеют хорошие соответствия в монгольском, ср. мо. *bari-* 'хватать' и *bağırçı* 'повар'.¹ В заключение о слове *barmaq* следует прибавить, что хара-югурское *tirmaq*, упоминаемое на стр. 211, конечно, не описка вместо бырмах, но общеизвестное турецкое слово тырмак 'ноготь'.

Вокализм в монгольском и турецком языках чрезвычайно устойчив. В общем можно установить следующие соответствия: тур. *a* = мо. *a* и *i*, тур. *ä* = мо. *e*, тур. *o* = мо. *o*, тур. *ö* = мо. *ö*, тур. *i* = мо. *u* и *i*, тур. *i* = мо. *i*, тур. *u* = мо. *u*, тур. *ü* = мо. *ü*. По этой причине совершенно недопустимы следующие сближения: мо. *jęgerde* 'рыжий' = тур. *yağız* (стр. 249, прим. 2), мо. *uğurul* 'губа' = тур. *irin* (стр. 225), мо. *oki* = мо. *eki* 'голова' (стр. 222), мо. *ağalja* 'паук' = кип. *өрмөк* (стр. 208) и мо. *üre* = уйг. *urı* 'сын' (стр. 237).

По поводу этих форм можно заметить, что мо. *jęgerde* 'рыжий' = тур. лев. *jıgrān*, алт. *jārān* 'рыжий'; тур. *yağız* 'бурый' = мо. *dayır* < **dayır* 'олень-самец';² мо. *oki* 'вершина' = тур. *oq* 'стрела'. Уйгурскому *urı* 'сын' (первое значение 'мужчина, юноша', ср. *qız oğul* 'дочь', *urı oğul* 'сын') соответствует мо. *ori* 'юный, юноша' (например, в качестве эпитета Маңжуҗүҗгү — *ori manjusiri* = *jalayu m.* 'юный Маңжуҗүҗгү'). Слово это в нынешних

¹ По поводу последнего слова см. Б. Я. Владимирцов, О тибетско-монгольском словаре *Li-çihî gur-khañ*. ДАН-В, 1926, стр. 28.

² Г. И. Рамstedт, Этимология имени Ойрат. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, стр. 552.

турецких наречиях, повидимому, забылось, но, на основании монгольского, можно полагать, что оно произносилось не *urī*, а *orī*.

Значительно увеличив число прежде известных форм с *h*-новыми и чрезвычайно интересными примерами, из которых лишь очень немногие остались малопонятными и сомнительными, автор почти все правильно отождествил с современными монгольскими формами и дал ряд этимологий, из которых, в сущности, только выше отвергнутые могут считаться неудовлетворительными. Автор постарался также проследить эти формы в новых наречиях, поскольку ему могли быть полезны существующие словари, в общем бедные и не совсем надежные в смысле транскрипции. Таким менее всего надежным словарем является дагурский глоссарий Ивановского. Имея в своем распоряжении некоторый материал, собранный мною в 1927 г. в Монголии среди нескольких дагуров, постоянно живущих в Урге, я могу заметить, что Ивановский совсем не различал долгих и кратких гласных, а также гласных *у < *и* и *ү < *й*, вследствие чего у меня получились весьма значительные расхождения. Вместе с тем, считаю необходимым заметить, что обычно дагурский язык считают мешанным диалектом, промежуточным между монгольским языком и манджурским.¹ Такое определение в корне неправильно, ибо дагурский язык является чисто монгольским наречием с незначительной примесью манджурских и солонских слов проникших туда в качестве заимствований. Наречие это, более того, весьма архаичное, сохранившее, между прочим, на месте письменных *ayu* и *egü* сочетания *аў* и *ёў*, которые всюду в других наречиях дали *ū* и *ü*. Бутхайский говор дагурского наречия сохранил, кроме того, начальный *h*, далее сохранились всюду глагол *а-* 'быть', местоимение *ба* 'мы', отрицание *үлү* или *үл* (= мо. *ülü*) и т. д. В общем, это наречие почти ничем не отличается от языка памятников квадратного письма или диалектов XIII—XIV ст., от которых кое-что сохранилось в записях мусульман. Поэтому, когда, например, мы находим такие сближения, как мо. *erekei* 'большой палец' = гольд. *pyrxi* или *pyrrxa* = дагурск. *zerige* = ма. *ferxe*, где дагурское наречие помещено между гольдским и манджурским, словно оно принадлежит к этой группе, мы вправе перенести его в другое место и дать в следующей последовательности: мо., дагурск., ма., гольдск. и т. д.

Проф. Pelliot использовал в своей работе повидимому весь материал, который можно найти. Все же им на стр. 198—199 указывается значительно большее количество источников, чем он их мог использовать, ибо некоторые из них ему были недоступны. Можно поэтому надеяться, что со

¹ Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial etc., S. 8.

временем материал еще увеличится, каковая надежда сбудется, быть может, даже очень скоро, ибо профессором Pelliot подготовлен к печати текст Юань-чао-би-ши, который прольет свет на многие неясности старого монгольского языка.

Укажу в заключение об обсуждаемой работе, что количество источников, дающих нам формы с *h*-, можно еще увеличить следующими не упомянутыми проф. Pelliot: прежде всего, в его списке отсутствуют хорошо известные, но долго остававшиеся неизданными и ныне изданные мною арабско-монгольский и монгольско-персидский глоссарии, заключающиеся в той же рукописи, что и арабско-кипчацкий словарь, изданный Houtsma (*Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894*), в предисловии к которому Houtsma упоминает, что продолжением его является монгольский глоссарий, содержащий 14 страниц (*Einleitung, S. 1—2*). Так как проф. Pelliot на изданную турецкую часть словаря неоднократно ссылается (например, стр. 207), ему вероятно существование этого монгольского глоссария тоже было хорошо известно. Далее, укажу на то, что в рукописи Зафар Намэ содержится небольшое количество монгольских слов. Об остальных здесь говорить не стоит, ибо на них имеются уже указания в другой работе проф. Pelliot, к которой мы перейдем в дальнейшем — это монгольские названия животных у Хамдаллаха Казвини, которым посвящена моя статья, вышедшая в свет в 1925 г., т. е. одновременно с работой проф. Pelliot,¹ и монгольский материал словаря ал-Замахшари (*Мукаддимат-ал-адаб*), находящегося в Бухаре.

Некоторым явлениям древне-монгольского языка посвящена и другая статья проф. Pelliot, озаглавленная «*Le prétendu vocabulaire mongol des kaitak du Daghestan*».

Материал, собранный путешественником XVII ст. Эвлия Челеби, по наречию кайтаков, небольшого, в то время будто бы монголоязычного, племени в Дагестане, самый новый из всех подобных источников. Тем не менее наречие это оказывается довольно архаичным, и материал этот был уже неоднократно использован в литературе: вопросу о национальности этих кайтаков была посвящена даже специальная статья В. В. Бартольд², доказавшим на основании, правда, скудного материала бесспорно монгольское происхождение их.

¹ О монгольском глоссарии в труде Хамдаллаха Казвини было известно, впрочем, уже давно, ср. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Ч. II, СПб., 1900, стр. 51; П. М. Медиоранский, *Араб филолог о турецком языке*. СПб., 1900, стр. XVII, прим. 2.

² К вопросу о происхождении кайтаков. *Этн. Обзор.*, № LXXXIV—LXXXV, Москва, 1910, стр. 37 и сл.

По поводу этой статьи необходимо заметить, что по недоразумению проф. Pelliot на стр. 280 своей работы о кайтакском глоссарии недостаточно полное использование материала ставит в упрек не автору прежней работы В. В. Бартольду, а Б. Я. Владимирцову, который, не являясь соавтором статьи В. В. Бартольда, лишь сделал, по просьбе В. В. Бартольда, простое отождествление кайтакских слов с общеизвестными монгольскими, что В. В. Бартольдом и было отмечено.

Говоря о прежних работах о кайтаках, проф. Pelliot справедливо отмечает, что подробного анализа кайтакских форм, после выхода в свет статьи В. В. Бартольда, никто не делал (стр. 280). Все же им пропущена одна работа Г. И. Рамstedта, правда, очень небольшая и нового фактически ничего не дающая, которая все же в списке литературы вопроса отсутствовать не должна.¹

Анализируя кайтакский глоссарий Эвлия Челеби, проф. Pelliot находит большое сходство кайтакских слов с формами, сообщаемыми Хамдаллахом Казвини. На основании этого, он приходит к предположению, не находится ли глоссарий Эвлия Челеби в полной зависимости от более раннего глоссария Казвини (стр. 294). Проф. Pelliot этим самым ставит очень интересный вопрос, ибо, если это действительно так, то тогда слепо полагаться на показания этого глоссария нельзя. Со своей стороны, я готов признать, что, вероятно, не один мусульманский источник о монгольском языке XIV ст. точно таким же образом является списком с трудов совсем других авторов. Но так как подобных источников о древне-монгольском языке немного, приходится дорожить и ими, ибо все они, если даже восходят к общему источнику, дают материал, который можно проверить другими данными. В результате такой проверки можно будет восстановить первоначальные тексты.

Так как новых слов в кайтакском глоссарии не имеется, их излишне здесь приводить. Остановимся лишь на некоторых, наиболее интересных.

Говоря о слове *temegen* 'верблюд' (стр. 287), проф. Pelliot ставит вопрос, каким образом эта письменно-монгольская форма могла сохраниться. Мне кажется, что в этом ничего удивительного нет: ср., например, тунгусское (баргузинское наречие) *темебѳн* 'верблюд' < **temegēn*. Как в бесписьменном тунгусском языке уцелела эта форма, она также могла уцелеть и в других наречиях.

По поводу бур. *үјѳң*, халх. *үјјѳ* и т. д. 'горноста́й' можно заметить, что в письменном языке этим формам соответствует *üyeng* 'горноста́й', при-

¹ Г. И. Рамstedт, К вопросу о кайтаках. Оттиск из Этнографического Обозрения, кн. 88—89.

водимая же в качестве соответствия форма *üne* (стр. 286) — совсем другое (значение — род хорька). Относительно формы *qaranǰqa* ‘муравей’, засвидетельствованной у Казвини, можно заметить, что проф. Pelliot сомневается в правильности ее огласовки и считает более правильной *qarǰnǰqa* (стр. 289). Последняя форма, действительно, более распространенная, но все же, например, в боснийско-турецком, имеется и каранца с а второго слога, а не с ы.

Очень интересное слово *ǰad* ‘враг’, относительно которого автор уверяет, что оно никаких соответствий в монгольском не имеет (стр. 293). Между тем, это хорошо известное слово, часто встречающееся в старых текстах, например, в рукописи *Arban ǰoyar ǰokiyangui*, f. 5^b в следующем контексте:

ǰalayu ider elegür duriyun büküi-dür
ǰad-ta busud-ta taǰalayu-un aysan-ber,
ötelǰü nasun-dur kürügsen-dür,
öber-ün uruǰ-a-ber tebčigden bui.

«Когда был юн, полон сил, здоров и бодр, то даже был любим чужими и другими; когда же состарился и достиг преклонного возраста, покидаем даже собственной родней». Слово *ǰad* значит чужой и соответствует правильно приводимому проф. Pelliot тур. *yat, yad*. Оно засвидетельствовано также в Юань-чао-би-ши в этом же значении. Б. Я. Владимирцов, впервые обративший на это слово внимание, напрасно только считает его турецким, как вообще в своей работе¹, в которой об этом слове говорится, он слишком большое количество бесспорно исконных монгольских слов склонен считать турецкими, с чем теперь и сам уже больше несогласен, о чем мне известно из личных бесед с ним.

В заключение о слове *qulun* ‘жеребенок’ можно заметить, что в этом значении оно действительно засвидетельствовано только в турецком языке. Но все же близкое по значению слово *хулан* ‘дикая лошадь’ имеется и в письменном языке и в живых говорах, ср. халх. хуллү в значении хорошего скакуна, очень любимое слово в одах в честь коней, например:

аг^ст^сᠢ маг^нᠡ,
 аг^лᠢᠭᠢ б^ар^а,
 аш^д ц^ирг^ал,
 ху^нг^ᠢ ц^ив^өр,
 хул^лү^нг^ᠢ т^сс!

¹ Турецкие элементы в монгольском языке. ЗВО, XX, стр. 161.

«Верх меринов, видимость дали, постоянная услада, крыло лебеда, пыль кулана!»

Проф. Pelliot правильно восстанавливает форму *دقاو daqau* 'курица' (стр. 290), приводимую в статье В. В. Бартольда без особых оснований¹ в форме тэгэу. Форма подтверждается в изданном мною словаре, ср. там *تغاورت taḡawut* 'курицы'.²

Ряд слов не может быть отождествлен с современными формами, например, загадочное *umstm* 'горностаевый мех' (стр. 286), *bslqun* 'крокодил' (стр. 289) и некоторые другие. Из таких малопонятных слов форма *نو* медведь (стр. 281) не такая уже безнадежная: скорее всего это не искажение *ötege*, а *آيو аю*, которое в ряде монгольских наречий имеется.

Предыдущую свою работу проф. Pelliot посвятил почти исключительно вопросу о *h*-. В этой же он касается вопроса о звуке *h* в середине слова и говорит о необходимости строгого различия *h* и ' (передаваемого знаком квадратного письма, развившимся из тиб. ᳵ). Совершенно правильно замечание, что звук *h* в языке памятников квадратного письма в положении между гласными очень редкий звук (см. об этом в JA, 1925, стр. 249, прим. 2) и наоборот знак ᳵ (в транскрипции - ' -) очень часто встречающийся и передающий hiatus, а не *h*. Обычно эти звуки в работах монголистов и различаются. Поэтому мне непонятно, почему проф. Pelliot (JA, 1927, стр. 285) усматривает в моей статье (ЗКВ, I, стр. 200) смешение этих звуков: звук *h* мною передается всегда знаком *h*, а hiatus мною изображается *h* (= - ' - у проф. Pelliot), ср. приводимые мною в ЗКВ, I, стр. 200 примеры калахун, даһулкакүе, адуһусун и т. д. Здесь только разница в обозначении, но принцип совершенно тот же. В моей статье в ИАН, 1927, стр. 1017, я допускаю одинаково и то и другое обозначение (ср. там *һијаһур* или *һија'ур* и т. д.), оставаясь, однако, последовательным в различении *h* или - ' - и *h*.

Обе новые работы проф. Pelliot, особенно первая, значительно расширяют наши представления о древне-монгольском языке. Критически проверенный материал, мастерски восстановленные формы, сообщаемые китайскими источниками, ряд очень глубоких мыслей о явлениях монголь-

¹ У Березина в переводе Рашид-ад-дина тэгэгу, тэгегу и тегегу; в тексте *ناقپغو* (напр., Труды Вост. Отд. XV, текст, 35) и *دابقغو*. В. Б.

² ИАН, 1927, стр. 1023.

ского языка того времени делают эти работы настольными книгами каждого историка монгольского языка. В этих работах затронут также ряд вопросов уже более широкого характера, вопросов о взаимоотношениях монгольского и родственных языков и дан ряд прекрасных сопоставлений. Есть среди них и менее удачные примеры, многое не может считаться убедительным, но это, конечно, отразится на общем впечатлении, которое эти прекрасные работы производят, не может. Все то, что осталось неясным и малоубедительным, может послужить лишь толчком к дальнейшим изысканиям в этой области. Обратив на некоторые недостатки, быть может, даже слишком большое внимание, полагаю, что столь подробное обсуждение подобных работ есть лучшее средство обмена мыслями, невольно возникающими, когда восстанавливается древнее состояние языка, еще в современном своем виде представляющего такой огромный интерес.

Н. Поппе.

51. Prosper Ricard. Corpus des tapis marocains. III. Tapis du Haut Atlas et du Haouz de Marrakech. Стр. II + 26 + LXIV табл. Изд. Paul Geuthner. Paris, 1927.

Новый том этой серии, о которой уже была речь на страницах ЗКВ,¹ касается ковровых изделий племен высокогорного Атласа и округа Марракеш. Внешний вид и план его не отстывает от общей программы, выработанной в предшествующих томах. Он состоит из предисловия (стр. I—II), объяснительного текста (стр. 1—26) и шестидесяти таблиц.

Из предисловия видно, что условия подготовительной работы на этот раз не были очень благоприятны для автора, так как племена, производство которых представлено в III томе, живут в местностях недоступных европейцам. Поэтому, проведение анкеты, принесшей много интересного материала при изучении ковров Среднего Атласа, отложено на будущее время. Обе исследуемые здесь группы ковров стали известны благодаря вывозу с внутренних рынков местными купцами. Они дали первой группе название «tapis glaoui», которое за ними укрепилось на протяжении от Феса до Тарудана, по имени паши El Glaoui, управляющего всей территорией, при чем ни племя, ни район его пребывания пока не определены (стр. 1). Первые появившиеся экземпляры, по словам автора, были новейшей выработки и анилиновой окраски, но позже, по предложению Service des Arts Indigènes, купцы отыскивали образцы лучшего качества, частью натуральной окраски (стр. 2). Со свойственной ему методичностью, P. Ricard изучает последовательно

¹ Т. III, вып. 1, стр. 195—202.